

каждый знал, нет его!.. Настолько нет, что сам он это знает: нет его, он пустое место, а над ним все... Подчинение! Вот оно-то... оно-то и есть на-сто-ящее!». Многократно повторяющаяся в романе ситуация, когда человек создал фантом и сам в него поверил, придает злу трансцендентный характер. Ведь этому закону подвержен и несчастный арестант Варискин, и мучающие его следователи, и сам всемогущий Любкин, поверивший в то, что подчинение и есть смысл жизни и лишь избранным дана «полная свобода, совершенная свобода, от всего свобода — только в себе, только из себя и только для себя. Ничего другого — ни Бога, ни человека, ни закона».

Еще более последовательно проводит эту мысль «человек-могу» Федор Петрович Ив. Все его помыслы направлены на подчинение себе др. людей. Подобно Великому инквизитору из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», Ив утверждает, что люди должны с радостью отказываться от своей свободы в пользу сильных. Причудливый путь этого дьявола-искусителя (видный коммунист — сотрудник гестапо — капиталист) на самом деле весьма показателен и характерен: все эти виды деятельности дают Иву власть.

Однако по мере развития сюжета выявляется несостоятельность идеи тирании как главного закона мироздания. Любкин убеждается, что его теория такой же «суперфляй», как и коммунистические догмы. Его все более тянет к Библии с ее идеалом любви к ближнему. Иву не удается хитроумный план завладеть нравящейся ему женщиной. У его верной помощницы Софьи Андреевны, как и у Раскольникова, «чтобы убить, сил хватило, но чтобы жить с убийством в душе» — нет. Любкин к концу романа меняется; Софья кончает жизнь самоубийством. Сам Ив вынужден бежать.

Причиной такого исхода является наличие в системе образов обоих романов людей высокой морали. Как правило, это женщины: Евлалия Григорьевна и ее соседка старушка Софья Дмитриевна в «Мнимых величинах», Юлия Сергеевна — в «Могу!». Внешне слабые, наивные и даже порой смешные, они верят в то, что «все дело в человеке», «человек — альфа и омега», верят в интуитивное понимание добра, в то, что Кант и Достоевский называли категорическим императивом. Напрасно искушает Любкин хрупкую Евлалию Григорьевну правдой о предательствах близких ей людей, ожидая, что женщина восплачет ненавистью к ним, откажется от любви к ближнему. Тщетно спекулируют Ив и Софья на совестливости Юлии Сергеевны, желая совратить пра-

ведницу. Они приносят ей страдание, но не могут заставить изменить принципам.

Сложная система образов-зеркал помогает писателю выявить нюансы нравственных споров, придает романам многогранность и психологическую глубину.

Большое место в книгах Н. занимают описания снов, символические притчи, рассказы-ваемые героями.

Н. принадлежит и ряд рассказов, опубликованных в эмигрантской периодической печати. Наибольший интерес представляют философские притчи («Флаконе», «Зеркало и пуля», «Слепая»). Писатель собирался объединить их в сб. «Странные рассказы», но этот замысел был осуществлен только в рукописи.

Соч.: Мнимые величины. М., 1990; М., 2000; Могу! М., 1991.

Лит.: Агеносов В. В. Идеалы «серебряного» и фантомы «железного» XX века в прозе Русского зарубежья // В поисках истины. М., 1993; Буцков В. Н. Нароков. «Мнимые величины»: роман // Новый мир. 1991. № 6; Старикова Е. Заметки запоздалого читателя // Октябрь. 1991. № 3.

В. В. Агеносов

НАСЕДКИН Василий Федорович [1(13).1. 1895, д. Веровка Уфимской губ., Башкирия — 15.3.1938, Москва] — поэт, мемуарист.

Сын крестьянина родом из воспетого С. Т. Аксаковым края. С детства свободно говорил по-башкирски. Окончил сельскую при-

В. Ф. Наседкин

ходскую школу. Вопреки родительскому откazu в средствах поступает учиться в 4-годичную учительскую семинарию в г. Стерлитамаке, подрабатывая одновременно десятником на железной дороге. В 1913 приезжает в Москву, где поступает в ун-т на физико-математический ф-т, оттуда затем переходит вольнослушателем в Народный ун-т им. А. Шанявского. В 1915, оставив его, уходит добровольцем на фронт, где занимается агитацией среди солдат от партии большевиков. В 1917 вступает в ее ряды и принимает участие в восстании перешедших на сторону революции юнкеров (среди которых он находился) в октябрьские дни в Москве.

В годы Гражданской войны Н.— комиссар Красной Армии. В 1920 был направлен в Туркестан на борьбу с басмачами. В 1921 порывает с партией под впечатлением увиденного на родине крестьянского разорения, допущенного новой властью. Позже на допросе в ГПУ (1930) свое решение мотивировал: «Из ВКП(б) вышел, с одной стороны, по болезни и еще от несогласия с политикой партии по крестьянскому вопросу. Я видел картины продрозверстки на Урале. И они произвели на меня тягостное впечатление» (Куняев Ст., Куняев С.— С. 374).

По возвращении в 1923 из Туркестана поступает в руководимый В. Брюсовым Лит. ин-т, в котором «считался в начале двадцатых годов одним из лучших, способнейших учеников... Это отмечал и сам Брюсов, внимательно следивший за творческим ростом молодого поэта, и С. Есенин, его старший собрат...» (Чагин П.— С. 4–5). Занятия в ин-те совмещает с редакторской работой в ж. «Город и деревня». Входит в писательскую группу «Перевал» при редактируемом А. К. Воронским ж. «Красная новь», направленном против левачества и администрирования рапповцев, за преемственную связь новой лит-ры с лучшими традициями отечественной и мировой лит-ры.

В 1924 возобновляются начавшиеся еще в ун-те Шанявского отношения с Есениным, который даже намеревается сделать его секретарем планируемого им альм. «Поляне». Н. становится другом семьи Есенина, в дек. 1925 он женится на его старшей сестре Екатерине. После гибели Есенина он собирает о нем материалы (составившие основу науч. биографии поэта), пишет о нем книгу воспоминаний «**Последний год Есенина**» (1927). «...На фоне многообразной мемуарной литературы о Сергее Есенине книга Наседкина выделяется своей простотой изложения, доверительностью и чистотой тона, прав-

дивостью в деталях. В воспоминаниях Наседкина нет той нарочитой броскости с оттенком сенсационности, что присутствует, например, в известном нашумевшем „Романе без вранья“ А. Мариенгофа или в несколько манерных мемуарах В. Шершеневича „Великолепный очевидец“. Василий Наседкин рассказывает нам больше о бытовом укладе Есенина, о „Есенине в халате“ (если вспомнить, по аналогии, известную мемуарную серию о Бальзаке, Мериме и других европейских писателях, что выходит за рубежом). Для автора книги „Последний год Есенина“ его герой действительно близкий человек. <...> И в то же время он показывает Есенина как большого художника, мастера слова, который знает о себе нечто глубинное, таит в недрах души своей заветное, о чем приходится лишь догадываться, разгадывая по сей день тайну поэта, тайну его двойника, отраженно-го в исповедальном поэтическом слове» (Казakov А.— С. 5, 6).

В том же 1927 выходит первая книга стихов Н. «**Теплый говор**», за которой с небольшими промежутками следуют 2 др.— «**Ветер с поля**» (1931) и «**Стихи 1922–1932**» (1933).

В основном это пейзажно-философская лирика элегического склада, присущая поэтам есенинского круга. Стихи Н. «привлекали внимание теплым, душевным лиризмом, высоким пафосом любви к родной природе, к ее степным и лесным просторам, к сини ее неба и рек, к ее ветрам, к красоте ее утренних рассветов и закатов, к живописным картинам осени — ко всему, что, говоря словами поэта, „песни и восторг родит на свете“. Любимым пейзажам вторили в его стихах воспоминания о детстве, проведенном в деревне, настроения бодрости и любви к жизни» (Чагин П.— С. 3). Философскую доминанту поэзии Н. составляет издревле свойственное человеку чувство тоски по неведомому, жажда постигнуть тайну бытия, безмерные космические пространства сделать обиталищем пылливой человеческое мысли и сердечной теплоты: «А над лугами, над селом / Церковным сводом голубое... / О, если бы дума веслом, / Как с берега, в жилье родное!» («**Осень**», 1926). Это также и родственная славянскому мироощущению тяга к растворению в природе, к слиянию с ней: «О, если бы полдневной синевой / Мне захлебнуться жадными очами, / И расплескаться в дымной синеве, / И разрыдаться ветром в час осенний...» («**Не унесу я радости земной...**», 1924). Для лирики Н. характерны также легкая грусть, сердечная теплота и простота формы

выражения: «Стихи были несколько грустные, но в то же время какие-то безыскусные, чистые сочные...» (Чванов М.— С. 5).

Немалое место в поэзии Н. занимает тема крестьянского труда. «Уже тогда я угадывал в его стихах то, что теперь я назвал бы активным отношением к природе, увиденной глазами человека труда» (Рыленков Н. — С. 199–200): «Я смотрю — и уж будто не снится. / А как раньше: на плечи ремень, / Насыпаю севалку пшеницей / И шагаю вдоль пашни весь день» («**Пахнет ветер, как свежие срубы...**», 1927). Что же касается исторической судьбы русской деревни, то поэзия Н. в отличие от поэзии С. Есенина и С. Клычкова (во мн. созвучная ей по интонации) лишена элемента драматизма и трагизма. Мотив прощания со старой патриархальной деревней звучит у него без сожаления о ней. Не вызывает в нем чувства боли и протеста и вид разрушенного храма: «И, может, через год крестов не будет. / Они падут отброшенные ветром, / В траву, к огаде, как железный лом. / И лишь тогда под шутки молодежи, / Возможно, пригодятся кузнецу, / Чтоб наварить землей сточенный лемех» («**Кресты**», 1927). Он с удовлетворением отмечает, как его родной и тихий деревенский край пополняется приметам исторической новизны, например, в облике крестьянина: «И на дрогах за насыпью вижу / Зипунишко и шлем со звездой. / <...> Это он в двадцать первом / Был в атаках всегда со мной / За туманную Березиною...» («**Из вагона**», 1925).

В 1922–23 Н. создает посвященный ориентальной теме цикл стихов «**Согдиана**», в основу которого легли впечатления, почерпнутые им во время пребывания в Туркестане. «Восхищение природой Востока, городами, архитектурой проходит через весь цикл этих стихов» (Есенина Е.— С. 215). Остро звучит также здесь и социальная тема о преобразении страны, которой из века в век правил «пузатый бай».

В середине 1930-х Н. работает в ж. «Колхозник», заводит дружбу с П. Васильевым, который посвящает ему стих. «**Другу поэту**» (1934) с характерным «васильевским» обращением к своему адресату: «Как живет жена Екатерина, / Князя песни русския сестра?» Сопоставляя обоих поэтов, их современник пишет: «Густая, нарочито пестрая живопись масляными красками у Павла Васильева привлекала Наседкина, вероятно, по контрасту. Сам он писал акварелью» (Рыленков Н.— С. 203).

В 1937 Н. арестовывают по обвинению в принадлежности к группе литераторов, под-

готовлявшей «террористический акт против товарища Сталина» (к ней причислялись также П. Васильев, И. Приблудный, С. Клычков, Г. Есенин (сын поэта) и др.). С применением пыток от него было получено признание «вины», отдельные пункты которого не соответствовали действительности, если принимать за «вину» образ мыслей честного человека в условиях жестокого тоталитарного режима: «Постепенно здоровые советские настроения гасли, и я становился чуждым человеком своей родины и прямо скажу — контрреволюционером. Если я спрошу себя — а чем же я был недоволен? — то отвечу на это так.

Первое. Политикой партии и правительства в отношении деревни, где мне казалось, все крестьянство бесправно и экономически угнетаемо.

Второе. Политикой партии и правительства в вопросе социальном, когда мне казалось, что русский народ живет и развивается в условиях худших, более стесненных, чем другие братские национальности Союза.

Третье. Состоянием общего литературного, главным образом, поэтического фронта, в первых рядах которого, как я думаю, стоят халтурщики, приспособленцы и скрытые контрреволюционеры. В частности, я принимал хорошие советские книги за исключение. В таком литературном состоянии я обвинял не только Союз советских писателей, но и отдел печати ЦК ВКП(б)» (Куняев Ст., Куняев С.— С. 383).

Несмотря на то что на судебном заседании Н. отказался от своих показаний как данных под пытками, он был приговорен к расстрелу. В 1956 реабилитирован.

Соч.: Избранные стихи. М., 1960; Ветер с поля. М., 1968; Ветер с поля. Уфа, 1978; Последний год Есенина. Челябинск, 1992.

Лит.: Чагин П. Василий Наседкин // Наседкин В. Избранные стихи. М., 1960; Есенина Е. Об авторе // Наседкин В. Ветер с поля. М., 1968; Рыленков Н. Встреча со старым другом // Рыленков Н. Душа поэзии. Портреты и раздумья. М., 1969; Чванов М. То, что соединяет людей, не размывает время... // Наседкин В. Ветер с поля. Уфа, 1978; Казаков А. Эхо есенинского бытия. // Наседкин В. Последний год Есенина. Челябинск, 1992; Куняев Ст., Куняев С. «Мы, русские, потеряли родину и отечество...» («Дело» Василия Наседкина. 1937 год) // Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. М., 1995; Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю. Локус «степь» в поэзии оренбуржца В. Ф. Наседкина // Прокофьева А. Г., Прокофьева В. Ю. Анализ художественного произведения в аспекте его пространственных характеристик. Оренбург, 2000.

А. И. Михайлов